

Вера Чиркова

Цикл «Королевское око»

«ЖЕНИСЬ НА МНЕ, ДУРАЧОК!»
«ПОРТРЕТ ПРЕКРАСНОЙ ПРИНЦЕССЫ»

Вера Чиркова

Портрет
прекрасной
принцессы

Роман

Москва, 2014
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Художник
Е. Никольская

Чиркова В. А.
Ч-64 Портрет прекрасной принцессы: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 311 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1731-5

Можно ли обмануть упрямого дознавателя и судью Грега Диррейта, имеющего почетный статус королевского ока? Разумеется. Абсолютно так же, как и любого человека, обделенного магическими способностями. Но вот ускользнуть от ответа за этот обман не удастся никому: ни магам, ни сыскарям, ни самому королю.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1731-5

© Чиркова В. А., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРОЛОГ

Если бы мне было суждено вернуться под просторное голубое небо того восхитительно теплого, пронизанного добрыми солнечными лучами весеннего дня, возможно, я повел бы себя совершенно по-иному. Разумеется, если бы знал или хотя бы догадывался в тот момент, какие события заставили не один десяток очень серьезных людей изменить своим привычкам и забросить важные дела, а вскоре накроют с головой и меня.

Наверное, постарался бы привести в порядок бумаги и написать наставления слугам на все случаи жизни или засел за тщательное изучение карт и документов. Проверил и рассортировал бы оружие и приготовил несколько дротиков с особыми сюрпризами. Вполне вероятно, отправил бы письма самым надежным друзьям.

А может быть, усадил жену в коляску и отправился вместе с нею на прогулку или просто повел любимую в сад, где на кустах и деревьях уже проклюнулись почки и весело зазеленела блестящая от юности травка.

Потому что теперь точно знаю: никакие приготовления ничего в моем будущем изменить уже не могли.

Все, что могло случиться, к тому моменту уже случилось, а все, кто должен был предпринять необходимые меры, уже начали действовать по тщательно прописанным инструкциям.

Но очевидно одно, как бы я ни провел тот день, остаться в стороне от происходящего не смог бы никогда. Уж так я устроен, бросаю все свои дела и заботы и лезу с головой в чужие проблемы, если узнаю, что моим друзьям или просто хорошим людям грозит опасность. Впрочем, именно так

устроены все, кто удостоился звания королевского ока и потому имеет право проводить дознание и выносить приговор по любому заинтересовавшему его делу.

Однако, пожалуй, даже хорошо, что я не задумывался ни о чем подобном в тот момент, когда меня карой судьбы настиг голос Хенрика, любимого брата моей жены, неожиданно-негаданно появившегося в Монтаеззи. Несомненно, из портала. Иным образом маги ковена в наш замок просто не попадали.

ГЛАВА 1

— Грег!

«Вот невезение! Ну откуда он взялся на мою голову?» — огорченно выдохнул я, даже не подумав остановиться. Наоборот, почти влип в стену и, пригнувшись как можно ниже, продолжил движение. До угла, где можно будет расправить плечи и идти свободно, оставалось всего ничего, каких-то двадцать локтей.

— Грег! — с легкой досадой повторил так хорошо знакомый голос шурина откуда-то со второго этажа.

Именно там по периметру замка тянется сплошной балкон, по которому можно попасть в любую из комнат. Точно так же, как и из любой комнаты можно выйти на балкон и рассмотреть все, что творится внизу. Не видно оттуда лишь узкой полоски пространства возле самой стены, и вот по этой-то недоступной взгляду зоне я и пытался удрать в настоящий момент как можно дальше от того бедлама, что творился в замке. Не насовсем, разумеется, всего-то на часок-другой.

— Грег, ты забыл, что я тебя ощущаю? — Голос Хенрика неумолимо, как глас возмездия, раздался прямо над моей головой.

«А вот это, между прочим, нечестно!» — оскорбленно фыркнул я. И вообще, кодексом ковена категорически запрещается магам использовать свои особые способности в отношении жителей королевства. А также его гостей, исключая лиц, заподозренных в совершении противоправных действий.

И поскольку я никаких таких действий не совершил и

даже еще не задумывал, то, естественно, подпадал под защиту этого самого правила.

Вот только Хенрику об этом говорить вовсе не собирався, предпочитая и дальше делать вид, что не слышу его возмущенных окриков.

Не останавливаясь ни на миг, я продолжил неуклонно продвигаться к оставшейся от разобранный стены груде камней, за которой меня ждала свобода. Ну относительная, разумеется. Абсолютно свободен может быть только полный идиот, а я себя таковым пока не считал.

Вожделенная горка обломков, за которыми открывался проход в сторону бывших хозяйственных построек, где я отыскал несколько укромных местечек, уже выросла передо мной, когда темная тень накрыла пробившуюся между камней и мусора молодую травку.

«Эх, хорошо быть магом!» — разочарованно вздохнул я, выпрямляясь во весь рост.

Сначала можно отследить несчастного, замученного домашними заботами родича с помощью способностей эмпата, а потом настичь его, используя заклинание левитации. Точно зная, что мне нечего ему противопоставить. Ну нет у меня и никогда не было и грана магических способностей! Ведь не сбивать же родственника дротиком на лету, как нахальную ворону?!

— Грег, — глядя на мое расстроенное лицо, с мягкой укоризной позвал Хенрик в очередной раз, — вот не мог бы ты, прежде чем удирать, поинтересоваться, зачем я тебя ищу?

— Ну и зачем? — с напускным безразличием буркнул я, втайне начиная подозревать, что он вполне может быть прав.

Но это вовсе не значило, что я готов сдаться так просто. И чтобы Хенрик не смог раскусить моих намерений, незаметно повернул камень в надетом на палец фамильном кольце. Теперь расшифровать мои эмоции будет не так-то просто.

— Тебе пришло послание от Клариссы. Хан Остана подписал указ, — веско объявил Хен. — Ты можешь посещать ханство в любое время, как почетный гость.

Надо же, не прошло и полгода, едко хмыкнул я про себя,

продолжая молчать. Не может же быть, чтобы Хен гонялся за мной только затем, чтоб сообщить эту новость?! Ни за что не поверю! Тем более что разрешение гулять по Остану мне сейчас абсолютно без надобности. Нет у меня ни желания, ни возможности куда-то уезжать или уходить. Зие через два месяца рожать, и хотя жена чувствует себя отлично, ее капризы могут свести с ума даже самую вышколенную прислугу. И потому без меня тут никак не обойтись. Лишь мне удастся уговорить ее откусить кусочек маринованного масленка вместо маринованного боровичка, которого не нашлось ни в одном из погребов окрестных деревень. И только я могу после этого спокойно выслушать признание миледи, что вообще-то ей хотелось пирожков с луком.

Кроме того, в замке полным ходом идет капитальный ремонт, на который я легкомысленно согласился в тот злополучный день, когда еще и близко не догадывался, как быстротечны и изменчивы желания беременных женщин.

— Знаешь, — сказала она тогда, опираясь на мою руку и разглядывая с высоты третьего этажа свои владения, — мне давно не нравится, как распланирован наш двор.

В ответ я только пожал плечами. Распланирован почти так же, как десятки подобных дворов в замках, которые я когда-либо посещал. То есть посреди стоит сам замок, а вокруг, между ним и мощными стенами расположены все причитающиеся замку атрибуты. Конюшни, сенники, казарма для охраны и десятков разных кладовок и каморок совершенно непонятного предназначения. И лишь с восточной стороны дома разбиты сад и цветники.

А все кладовки и конюшни пустуют, так как никакие воины нам не требуются. Я и сам мог бы издали перебить пару десятков бандитов, но добраться сюда они просто не имеют возможности. Магистры из ковена, друзья моей наставницы Клариссы, опутали замок такой сложной системой защит и проверок, что даже я сам, возвращаясь домой в чужой личине, иногда всерьез опасаясь за собственную безопасность. Вот потому-то никто и не громыхает по утрам под окнами оружием, не ругается пьяными голосами, получив жалованье и это отпраздновав, и не пытается по ночам пробраться в спальни к горничным.

Ну а если Ортензия желает прокатиться по окрестным полям, то в расположенную под стенами замка деревню отправляется лакей и через пятнадцать минут возвращается, сидя на козлах. Зимой это сани, осенью карета, весной и летом открытая коляска. А тащат или катят очередное транспортное средство послушные и холеные лошадки старосты.

Именно поэтому я и согласился так легко на перестройку, даже приблизительно не подозревая в тот момент, во что вляпался.

— Это еще не все, — так и не дождавшись моего вопроса, огорченно вздохнул Хенрик. — Вместе с разрешением она прислала письмо от князя Теокадина Шуари.

А вот с этого ему нужно было начинать. Хотя... я и так уже успел сложить два и два. Данное мною Кадину пять месяцев назад обещание помочь восстановить справедливость так пока и осталось невыполненным. Слишком много нужно было сделать хану Остана и его верным советникам, чтобы навести в стране порядок, потому и до дела Кадина не сразу дошла очередь.

Да и как она могла дойти, если после проведенной менталами проверки на свободе осталось всего двадцать судебных чиновников из каждой сотни?! И лишь треть из них сохранила свой прежний статус.

Вот потому и сидят в Дильшаре безвылазно Кларисса с одним из лучших менталов ковена Леоном Шофолдом, ее бывшим учителем и нынешним мужем. Им достался тот дом, который снимал я, когда изображал торговца редкими животными. Прежний хозяин оказался не только замешан в темных делишках, но и очень проворен, сумев удрать прямо из-под носа ханских нукеров.

— Почему ты молчишь? — начал нервничать маг.

Я только пожал плечами и, больше не скрываясь, отправился дальше. Ни на секунду не сомневаясь, что он пойдет следом. Ну а в самом-то деле, куда ему еще деваться? Если это именно ему от меня что-то нужно?! И чтобы высказать свою просьбу или предложение, он просто обязан будет последовать за мной.

Хенрик действительно потопал следом, выражая свое неодобрение возмущенным пыхтением, но я героически

старался не обращать на него внимания, неуклонно приближаясь к конечной цели моего маленького путешествия.

После того как нанятые в окрестных деревнях крепкие парни начали разбирать многочисленные постройки хозяйственного двора, я обнаружил там массу интересного. Но самым замечательным оказалась заваленная мусором голубятня. Когда-то здесь курлыкало не менее трех десятков почтовых голубей, и каждый, кто желал иногда получить из Монтаеззи весточку, привозил с собой пару клеток, накрытых темным полотном. Ведь голуби возвращаются только в родное гнездо.

Едва обнаружив любовно сплетенные из прутьев гнезда и кучу ажурных клеток, я запретил селянам даже близко подходить к этому строению и теперь вечерами яростно спорил с выписанным из Горсанны архитектором. Невысокий худенький старичок сверкал на меня из-под косматых бровей неожиданно голубенькими глазками и сыпал архитектурными терминами и названиями собственных научных трудов. Отстаивая в непримиримой борьбе пару сотен квадратных локтей, занятых взятой мной под опеку голубятней. Замыслив именно в том месте соорудить чайную беседку. Но и я отступал лишь после того, как замечал, что слушающая наши споры Зия начинает по-детски тереть слипающиеся глаза.

— Ты не хочешь помочь Кадину? — карабкаясь вслед за мной по лесенке, почти жалобно осведомился Хенрик.

Я только довольно ухмыльнулся в ответ, в который раз порадовавшись собственной сообразительности. Ведь если бы мне не удалось скрыть свою заинтересованность, выдвигать условия мог бы он. А теперь их буду диктовать я и постараюсь не забыть ни одной мелочи.

— Хенрик, — усевшись на обнаруженную мною и отмытую служанками скамейку, ответил я, проникновенно глядя в такие знакомые серые глаза, — зачем ты меня мучаешь?! Ты же знаешь, что, при всей моей симпатии к Кадину, покিনуть сейчас замок я не могу. Даже на день.

— Да почему это не можешь, — неправдоподобно возмутился он, — Зия чувствует себя отлично, а если ты не доверяешь привезенным повитухам, то мы с Мари можем тут

пожить несколько дней. Кстати, и Карику полезно будет подышать деревенским воздухом. В смысле чистым, почти деревенским.

Ой-ей! Похоже, действительно очень плохи дела у Кадина, раз меня так уговаривают. И я, разумеется, соглашусь, тем более мне даже не нужно для этого спрашивать разрешения у короля или ковена магов. Полтора месяца назад его величество Торрель Этавирский лично отправил меня в отпуск на полгода, и сейчас я имею полное право ходить куда и к кому хочу. И к тому же имею горячее желание, чтоб справедливость восторжествовала. Но это вовсе не значит, что так легко откажусь от намерения немного поморочить голову родичу за его интриганские замашки.

— Хенрик, — встав со скамьи, подошел я к небольшому оконцу и распахнул створки, — посмотри.

— Куда? — высунув голову и обведя взглядом кучи камней, балок и мусора, оставшихся от разбора сенников, заинтересовался он.

— Вдаль. Видишь, какая панорама? Вот если сделать тут выход на балкончик, а с него лесенку на крышу, то можно будет пускать голубей прямо с крыши.

— Каких еще голубей? — так ошарашенно вытаращился шурин, что отказаться от продолжения шутки стало просто невозможно.

— Хенрик, — вздохнул я загадочно, — дай слово мага, что никому не расскажешь.

— Даю, — немедля купился он, все маги жутко любопытны.

— Вот представь, лет через пять... или, может, даже раньше... весна, эта голубятня, вокруг кусты сирени, а выше — только синее небо. А на крыше, огороженной перилами, разумеется, стоим мы троим, я, Зия и наш сынишка. В небе белой стайкой летят голуби... и если не смотреть вниз, то можно представить, что мы на мостике небольшого судна, вокруг море, а над нами вьются чайки.

— Как только Зия родит, вы можете отправиться в твой домик на побережье, — как-то неправильно понял он мое объяснение, — ты переутомился.

Придется исправлять положение, понял я и тяжело вздохнул.

— Вот и ты меня не понимаешь, совсем как тот упрямый старикашка. Он вознамерился разобрать этот сарайчик и поставить чайную беседку. Ну, скажи мне, какой тут чай? Это же западная сторона! Утром тут тень и роса, а вечером все прогревается, как на сковороде. Да у нас в доме столько балконов и террас, что никакая беседка вообще не нужна. Лучше бы какой-нибудь прудик придумал, с рыбками и кувшинками. Дети любят рыбок и птичек, я по себе помню.

— Грег, — тихо и сочувственно промямлил шурин, — а при чем все это?

— При том, — вздохнул я еще тяжелее, — что в Дильшар я пойду, ты прав, Кадину нужно помочь. Но голубей у моих детей уже не будет. Ладно. Забудь. Идем в дом, нужно поговорить с Зией.

Пока мы спускались с голубятни и шли через двор, Хенрик размышлял о чем-то так сосредоточенно, что я искренне радовался недоступности своих эмоций.

Зная точно, он разобиделся бы всерьез, услышав едва сдерживаемый мысленный хохот.

Телепорт выбросил меня не в Дильшар, как я втайне надеялся, а в Декту, в порталный чуланчик святого Ештанчи. Вздохнув с легкой досадой, уж очень хотелось повидать Клариссу с Леоном, я распахнул дверцу крошечного помещения, украшенного для отвода глаз связками прошлогодней травы и какими-то метлами.

И попал прямо в объятия Кадина. А еще через секунду на нас как обвал обрушилось мощное тело его верного охранника.

— Дирам, шайтан, задавил совсем! Ну тебя тут и откормили, ни одна лошадь не увезет! — притворно ворчал я, с удовольствием всматриваясь в лица друзей.

Они и в самом деле окрепли и теперь даже близко не напоминали тех худых и потрепанных наемников, которых я встретил в чайхане полгода назад. И дело даже не в налившихся силой мышцах и округлившихся щеках. Из глаз пар-

ней исчезла тоска и безнадежность, а Кадин больше не хватался каждую минуту за больной бок.

— Меня вы, наверное, не помните? — Похожий на Кадина мужчина с аккуратной бородкой, мягко улыбаясь, наблюдал, как меня добросовестно мнут его родственники.

— Князь Иштадин Шуари, — дружелюбно улыбнулся я в ответ, разве его можно забыть?!

Но вот узнать — с трудом. Он изменился намного сильнее младшего брата и теперь совершенно непохож на изможденного старика, которого мы осенью принесли в Дильшар с Жемчужных островов.

— Для вас просто Тадин, — твердо объявил князь, прижав руку к сердцу, — я вам жизнью своей и Кадина обязан.

— Тогда я — просто Джиль, — так же учтиво поклонился я в ответ.

Несмотря на разрешение хана, я решил не мелькать в Остане собственным лицом и накинул одну из заранее заготовленных Клариссой личин. Очень ненавязчиво смазывающую запоминающиеся черты лица и делающую меня совершенно непримечательным северянином. Потому и назвался не собственным именем. Тем более Кадин с Дираном все равно по привычке звали меня именно Джиль.

— Идите в дом, обед на столе, — пригласила радушная жрица, и я, не споря, отправился вместе со всеми.

Незачем говорить им, что только пятнадцать минут назад я встал из-за стола в собственном замке. Где меня пытались накормить так, словно отправляли в Гиссарскую пустыню в одиночку и без походной сумки. Тем более за столом вполне мог присутствовать Ештанчи, а у него могли быть ко мне поручения. Да и с сопровождающим магом я должен познакомиться именно здесь. Его мне в помощь по просьбе Клариссы перебросили из Торсаннны ее друзья по ковону, отправив прямиком в Декту ради экономии портала в Монтаеззи.

— От Рудо есть известия? — Мы с Кадином задали друг другу вопрос почти одновременно и очень насмешили этим Дирана.

— Последний раз получил вестника с полмесяца на-

зад, — первым сориентировался я. — Они уже налаживают торговлю и начинают строить собственные баркасы.

Рудо женился на Лайли в то же утро, как встал с постели, и в этот же день, специально дождавшись выздоровления друга, Кадин дал клятвы Заре. И теперь наш неугомонный язва живет на побережье во дворце Тахара. Каждые полмесяца шлет нам вестников, отчитываясь о делах, и неизменно зовет в гости.

— Да, мне он про это тоже написал, — улыбнулся Кадин, — и намекнул, что скоро будет отцом.

— Ну меня ему не перегибать, — гордо фыркнул я, приятно хоть в чем-нибудь быть первым.

— Нас тоже. — На ступеньке стояла располневшая Зара и стеснительно улыбалась незнакомому мужчине. Хотя и точно знала, что это я, она каждый раз с трудом привыкала к новой личине.

— Поздравляю, — искренне радуясь за молодую семью, поцеловал я руку бывшей подопечной, — но как же мы тебя повезем?

— Она пока останется, Ештанчи разрешил Заре пожить здесь. А когда можно будет, я приеду за ней с повозкой.

И это правильно, кивнул я в ответ на его слова, стараясь не замечать погрустневших глаз художницы. Нечего женщинам в таком положении мотаться по степи на лошадях. Тем более что негодяй, обманом завладевший не только огромным состоянием князя, но и его именем, вовсе не собирается отдавать захваченное без боя. А от Дильшара до имений Шуари слишком далеко, и ханские указы там почти не имеют силы. Потому и пришлось Иштадину собирать деньги и нанимать отряд, который ждет его в небольшом городке Кыра-Бутар в полудне пути от Декты.

— Прошу к столу! — В проеме двери, противоположной входу, появился Ештанчи в простой белой полотняной рубахе ниже колен и выглядывающих из-под нее штанах из той же ткани.

Вот он совершенно не изменился, оставшись тем же, что был полгода назад. И в трапезной комнате все точно так же, словно мы вернулись в ту же минуту, из которой вышли. Вот только вместо букетика желтых степных тюльпанов на сто-

ле в тот раз стояли багровые бессмертники, да не было незнакомого мага, изучающе разглядывающего нашу компанию. В ответ я тоже в открытую изучил серьезное лицо и начал понимать, что в этот раз друзья Клары из ковена раздобрились. Прислали мне в помощь по меньшей мере мастера второго круга.

— Я — Юрас, — представился маг и, пользуясь приглашением, первым сел к столу.

За обедом мы говорили мало: сказалось присутствие постороннего человека. И первым делом выяснили, что наши желания отправиться в путь как можно скорее полностью совпадают. Зару это известие опечалило еще больше, но мужественная девушка постаралась не подавать виду. Хорошая жена не станет портить мужу начало пути глупыми слезами, говорит одно из местных правил, и Зара изо всех сил пыталась ему следовать и вымученно улыбаться. При взгляде на нее мне невольно припомнилась бодрая улыбка провожающей меня в портал Зии, и настроение начало стремительно падать вниз, как сброшенный в пропасть камень.

— Пойдем, я отдам тебе твои ножи, — заметив, что я почти не ем, позвал Ештанчи, — я их сохранил.

— Да?! А я и позабыл про них в той суматохе! — неуклюже попытавшись скрыть нечаянно вырвавшееся на лицо удивление, шагнул я вслед за шаманом.

Хотя отлично помнил, что ничего у него не оставлял и не забывал. Да и как я мог бы оставить тут оружие, если оно мне в тот момент было необходимо, как воздух?!

Ештанчи в точности повторил прошлогодний ритуал отпирания дверей, и с каждым щелчком замка в моем мозгу щелкала незаметная пружинка, приоткрывая мне кусочки какой-то загадки, но пока не дававшая ясного понимания, хочу ли я знать ответ.

— Вот. — Заперев за собой последнюю дверь, шаман достал из сундука завернутые в ткань ножи.

Пара обычных метательных ножей, ничем не отличающихся от тех, что распаханы по обнимающему мой торс поясу. Отчего же Ештанчи не захотел отдавать их мне при

всех? Никогда не поверю, что у него не было для этого особого повода.

— Ничего не заметил? — почти неслышно хмыкнул хозин, внимательно наблюдая, как я кручу в руках оружие.

И не столько этот вопрос, сколько сквозящая в его голове тревога заставила меня присмотреться к тонким лезвиям повнимательнее. Однако ничего подозрительного обнаружить так и не удалось.

— Это очень хорошо, — облегченно вздохнул шаман, — смотри.

Узкое лезвие вывернулось из рукоятки как пробка из флакона, и на смуглую морщинистую ладонь шамана выпала нанизанная на крепкую нить цепочка тонких, как соломинка, разноцветных цилиндриков. Очень похожих на дешевые останские бусы.

— Запоминай. Белый — сильное снотворное, бросишь в кувшин с вином половину — уснут все, кто выпил хоть глоток. Целым — можно усыпить небольшую деревню. Черный — заставляет мгновенно расти усы и бороду, желтый снимет волосы в одно мгновение. Растворяешь половину в чайной пиале и мажешь. Только не пальцем, а кисточкой. Или чем-то подобным. Красный — выпьешь с чаем или супом и начнешь гореть, как в лихорадке. Недолго, день или два, думать и ходить не мешает. Синий — самый опасный. Дает на несколько часов нечеловеческую силу и ловкость, но потом нужно дня три отлеживаться и хорошо есть. Этого кусочка может хватить на четыре раза.

— А что во втором ноже?

— То же самое. Спрячь так, чтоб случайно не потерять. — Ештанчи тяжело вздохнул и пошел к двери.

— И ты даже не намекнешь, для чего так меня вооружил?! — испытующе смотрел я на мага, скрывающегося под личиной всем известного шамана, и ощущал, как в душе все сильнее разрастается тревога.

А вместе с нею и подозрение. Пока еще призрачное и невесомое, не основанное ни на чем, кроме интуиции и странных действиях шамана. Хотя, если вдуматься, не его одного. И все это мне не просто не нравилось, это тревожило и сер-

дило, заставляя держаться так напряженно, словно беда должна была случиться немедленно.

— Не могу, — на миг обернувшись от двери, горестно шепнул Ештанчи, — я и так... сделал слишком много.

В Кыра-Бутар мы въезжали поздним вечером, когда неяркие краски степного заката уже угасли и на бледном небе появились первые несмелые звездочки. Городок, похожий скорее на большую деревню, встретил нас запахами жарящегося мяса, дыма и навоза, почти возле каждого дома виднелись просторные загоны со слегка отощавшими после зимы лошадьми, коровами и овцами.

Наемники Иштадина расположились на пустыре возле южной окраины городка, недалеко от полноводной пока речки. Расставили полукругом латаные летние шатры, отпустили свободно гулять лошадей, стреножив только чересчур горячих жеребцов. И, сытно поужинав, мирно варили в походном котле степной чай с жирными сливками и солью.

Наше прибытие не особенно взволновало бывалых воинов, засуетился только их командир, выбирая место для нашего шатра. Да прибежал кашевар, спросить, хватит ли нам оставшегося от ужина плова или ставить жарить свежее мясо. От мяса мы дружно отказались, заявив, что плова вполне достаточно. Наши дорожные сумки оттягивали выданные в Декте припасы. И хотя мы ими уже перекусывали, сделав на излете дня небольшой привал, некоторые из выданных продуктов, особенно пироги и жареная птица, подлежали немедленному съедению. Иначе завтракать ими придется местным собакам.

— Когда выезжаем? — только один вопрос интересовал командира наемников, крепкого бритоголового воина, явного уроженца более южных провинций.

— Выедем до света, дай наказ постовым, чтоб после полуночи ставили варить мясо, в обед костры разводить не будем, — строго приказал Иштадин, сразу показывая воинам, кто будет здесь распоряжаться.

И это было правильно, в таких походах командир может быть только один. Наемники люди пройдошливые, слабину

чувствуют сразу и не преминут ею воспользоваться. А нам предстоит бой с людьми, собранными лже-Иштадином, и от дисциплины будет зависеть очень многое, возможно, даже жизнь. Конечно, все мы постараемся повернуть грядущие события так, чтоб потерь было как можно меньше. И здесь я больше всего надеялся на помощь мага, хотя и не особенно ясно представлял, что именно буду делать я сам.

И каждый раз, когда я начинал об этом размышлять, в моей душе возникало ощущение неправильности. Вот только в чем оно заключается, я пока никак не мог сообразить. Но и не считаться с интуицией тоже не мог. Потому и решил перед сном сходить на речку смыть пыль и пот. Хотя вода еще мутновата после весеннего разлива, особенно холодной быть не должна. Весеннее солнце в этих местах уже жарит почти по-летнему, и купание отлично снимет усталость и вернет ясность мыслям.

Вода действительно была вполне приемлемой, и плавал я чуть дольше, чем планировал, все же первый раз в этом году. А когда вылез на бережок и шагнул к приготовленному куску полотна, заменяющему мне в пути купальные простыни, невольно застыл от изумления и ярости. За время отсутствия кто-то успел покопаться в моих вещах.

Моя жизнь так часто зависит от мелочей и деталей, что я запоминаю их совершенно неосознанно. Вот и сегодня, уходя купаться, окинул взглядом небрежно брошенные вещи и запомнил случайное расположение. Просто по привычке, даже не задумываясь, для чего мне это может понадобиться. А вернувшись, сразу понял, что вещи не только трогали, но и попытались положить точно так, как бросил я. Но несколько мелочей не совпали, и это меня сразу встревожило. И как следствие возник естественный вопрос: может ли это мне чем-то грозить?! И если может, то чем?

Я тщательно стряхнул полотно: и начал медленно растирать кожу, лихорадочно размышляя, зачем злоумышленник трогал мою одежду. Банальное воровство я отмел сразу: все вещи лежат на месте. Да и не имеют они такой ценности, ради которой стоило бы рисковать. А денег я с собой сюда не брал, они вообще лежат на дне седельной сумки. Да и к

тому же кошель у меня зачарован Клариссой, если кто-то попробует стащить или открыть — надолго запомнит маговские шутки.

Еще на вещах оставляют приворот или, напротив, отворот, но это тоже неправдоподобно. В отряде нет ни одной девушки, а через городок мы проскочили почти в темноте и так быстро, что нас и рассмотреть толком не успели. Да и ядом посыпать мои вещи бесполезно, знак королевского ока, который я ношу в личном медальоне, служит не только для предъявления моих прав, но и защищает от подобных сюрпризов. И в таком случае остаются самые печальные предположения. Меня обыскивали, чтоб что-то проверить, но что именно?

Небрежно подняв рубаху, я отряс ее от несуществующего песка и отчетливо осознал, что именно интересовало неизвестного шпиона.

Мой пояс с метательным оружием. Оно у меня особое, ни один нож ничуть не походит ни по виду, ни по весу на те, с какими ходят воины или сыскари. Все мои дротики значительно легче, изящнее и короче, чем грубое оружие сидящих на замковых стенах стражников или королевских гвардейцев. Большинство моих ножей и звездочек легко умещаются на ладони, а самые крупные длиннее лишь на четыре-пять пальцев. Насколько мне известно, кроме меня с такими «игрушками» ходят представители некоторых непопулярных профессий, которые предпочитают, чтоб о них знали как можно меньше, да еще опытные проводники и следопыты.

И я давно выработал привычку класть свой пояс так, чтобы ни один дротик не выпал из специального гнезда и ни песок, ни влага не попали на лезвия и наконечники. Для этого пояс нужно свернуть особым образом, и проделать это с первого раза невозможно. Вот и сейчас мой пояс был недовернут ровно на пол-ладони. А поскольку никто, кроме старых друзей, Иштадина и мага, не знал, что я его ношу, круг подозреваемых сужается до четырех человек. И хотя двоих мне очень хочется отместить сразу же, пока я этого делать не стану. Просто наблюдаю за ними и постараюсь понять, чего хочет неизвестный грабитель.

Утро я встретил с головной болью и отвратительным настроением. Уснуть мешали первые голодные комары, и отпугивающий амулет, как назло, остался в сумке. А маг сразу уснул, и будить незнакомого человека из-за такой мелочи мне как-то не хотелось. Да и мысли, взбудораженные неожиданным происшествием, никак не желали успокаиваться, подбрасывая все новые причины чьего-то внимания.

И все же постепенно в подсознании начинала связываться в стройную цепочку одна версия, но она была мне настолько неприятна, что я совершенно не был готов допустить ее возможность. Хотя отказаться от попытки продолжить свое расследование тоже уже не мог.

ГЛАВА 2

Горожане, впервые попавшие весной в южную степь, обычно поначалу шалуют от восторга и ведут себя как дети. Да и те из местных, кто давно не видел пышно цветущего разнотравья, тоже растроганно улыбаются каждой особенно красочной полянке. И я уже привык не удивляться такому поведению.

Но старший князь Шуари просто потряс меня. Доехав до голубого, как осколок неба, лоскутка цветущих незабудок, он спрыгнул с лошади, упал лицом в цветы и несколько минут лежал неподвижно. И только по едва вздрагивающим плечам можно было догадаться, что он плачет от счастья. Потому что давно простился даже с мыслью о возможности своего возвращения в родную степь.

И, глядя на его вздрагивающую спину, я дал себе слово, что не стану жалеть негодяя, из корысти отнявшего счастье и покой у целой семьи.

Однако вовсе не мне удалось вонзить нож в злобное существо, расплатившееся половиной княжеских стад за чужое имя и имущество. Князь Иштадин Шуари исхитрился самолично срубить вместилище грязных и жадных помыслов.

Мы три дня гонялись за угнанными двойником стадами и повозками с добром. Узнав о приближении большого воо-

руженного отряда по пастушьей почте, лже-Иштадин загрузил на телеги все ценное, запер домочадцев в подвале и велел слугам поджечь дом. Спасла приговоренных только его поспешность: убедившись, что солома, разложенная вокруг дома, разгорелась, негодяй ускакал вслед за ушедшим обозом. И тогда преданные слуги, давно раскусившие самозванца, раскидали горящие снопы и вывели несчастных из подвала. И очень мудро поступили, не потушив солому сразу, а стаскав в одну кучу и целых три часа добавляя в нее кизяк, мусор и свежую траву.

Охранники негодяя, сдавшиеся сразу после смерти хозяина, рассказали, что лжекнязь не единожды оглядывался полюбоваться на густой столб дыма, продолжавший рваться в весеннее небо.

— Спасибо тебе за все, отныне мой дом — твой дом, мой хлеб — твой хлеб! — поклонился князь, прижимая руку к сердцу, услышав, что я не собираюсь ехать в ними в разграбленное поместье, а прямо отсюда возвращаюсь домой.

И мы оба знали, что эта клятва не пустые слова. Если мне где-нибудь будет жить, я смогу приехать, и меня примут как самого близкого и любимого родственника. Вот только вряд ли у меня когда-нибудь появится такая нужда, хотя, как сказал один мудрец, ни от чего в жизни не стоит зарекаться.

Напоследок меня долго мяли и хлопали по плечам вовсе не нежные ручки друзей, и я сносил все это безобразие без малейшего возмущения, потому что чувствовал себя жутко виноватым. За то, что посмел заподозрить проверенных в бою товарищей.

Наконец прощание закончилось. Сделав вокруг меня последний круг, ускакал вслед за хозяевами Дирам, уводя в поводу коня, от которого я категорически отказался. Прекрасно помня, что в моем замке порталная площадка находится на балконе.

— У меня сейчас не хватит энергии на портал, — спокойно объявил сидящий у погасшего костра Юрис, когда последние телеги с имуществом князя скрылись между высоких холмов.

В погоне за самозванцем и в последующем бою маг действительно тратил энергию, не жалея, и очень помог нам

своим искусством. Легко находил нужное направление, путал травами ноги вражеских лошадей, прятал в тумане подбирившийся к двойнику ударный отряд. Однако я уже много лет общаюсь с магами и могу с первого взгляда определить, когда они действительно опустошены до предела, а когда еще могут кастовать. И теперь прекрасно понимал, что мой помощник смог бы открыть и не один такой портал.

Однако говорить ему ничего этого не стал, просто лег на траву и приготовился ждать. За последние несколько дней я уже сделал окончательные выводы и теперь собирался посмотреть, какие действия Юрис собирается предпринять дальше.

Потому что, раскусив одного исполнителя хитроумного плана, пока не мог догадаться, с какой целью все это было придумано и кто еще состоит с ним в заговоре. А что цель имелась, и значительная, сомневаться не приходилось: слишком много труда и усилий было вложено в исполнение этого замысла. И вот это и злило меня больше всего.

Потому что я человек, по сути своей, доверчивый и добрый. И если мне объяснить по-хорошему, то я могу все понять и пойти навстречу. А когда меня к тем же действиям принуждают хитростью и интригами, где-то внутри от обиды и возмущения просыпается просто ослиное упрямство и непокорность.

— Могли бы доехать с ними до поместья, — в никуда пробормотал Юрис, — отдохнуть у хороших людей и спокойно уйти в Торсанну. Чего тебе так приспичило вернуться именно сейчас?

— Может, ты забыл или не расслышал, что у меня жена скоро должна рожать? И у меня болит за нее душа, — устало пояснил я и прикрыл глаза.

Ну же, не тяни, выдай мне заранее заготовленную речь. Не понимаю, зачем вам понадобилось что-то от меня скрывать, знаю лишь, что это почти удалось. Если бы не многозначительный подарок Ештанчи да не случайная оговорка Кадина, я бы выбросил из головы все сомнения еще три дня назад.

— Нужно было раньше выезжать, — сердито рыкнул я на друга, когда мы, едва не загнав лошадей, примчались к еще

дымящейся куче мусора, разложенной перед центральным входом в летний дом князя.

— Так ведь тебя же ждали, — встревоженно высматривая среди вымазанных сажей людей своих племянников, буркнул Кадин. — Ештанчи так и сказал: ты обидишься, если не дождемся.

Он опомнился в тот же миг, начал что-то объяснять про недовезенное оружие и нехватку наемников, но я уже все понял и поставил в своих выводах последнюю точку. И решил, что буду впредь вести себя очень осторожно и ничем не выдам своих подозрений. Пусть тот, кто решил сыграть со мной странную шутку, считает, что я временно оглох и ослеп.

И катастрофически поглупел.

— Мне кажется, можно попробовать, — завозился Юрис часа через два.

Солнце уже стояло в зените, и он почти сварился в своем форменном камзоле. Я приоткрыл один глаз, с сомнением посмотрел на его покрасневшую физиономию и скептически хмыкнул.

— Давай лучше подождем, пока ты не будешь полностью уверен.

Мне солнце не мешало совершенно, тонкая полотняная одежда и накинутый на два прутика белый платок, который в дороге я ношу по останскому обычаю намотанным на голову, спасали от жары.

— Я уверен. — Похоже, еще немного, и ему придется сотворить какой-нибудь дождик.

Скорее всего, он давно мечтает его устроить, и только собственные слова о нехватке энергии заставляют терпеть. Ну ведь это справедливо, что маг так расплачивается за свою ложь. Никто не заставлял его лгать. Или все же заставлял?

Портал вывел нас в совершенно незнакомое место, и на мой вопросительный взгляд Юрис невнятно объяснил, что это промежуточный пункт. А затем поспешно сбежал, оставив меня одного.

Ну наконец-то, ухмыльнулся я про себя, усаживаясь в кресло, сейчас начнется самое главное.

— Грег Диррейт? — очень официально осведомился вошедший в комнату незнакомый сыскарь, многозначительно кладя перед собой пачку документов.

— Да, это я. — Надеюсь, ответ звучит достаточно сухо и в нем не проскальзывают насмешливые нотки.

— У нашего ведомства к вам несколько вопросов.

— Задавайте, — благосклонно кивнул я в ответ, едва не сязвив, мол, не стесняйтесь. Но вовремя прикусил язык, ни к чему его дразнить или злить. Ведь издали видно, рядовой работник, к тому же молодой, амбициозный. Наверняка считает, что раскручивает дело государственной важности.

— Вначале сдайте все оружие, которое имеете.

А вот этого предложения я ждал. Глупо было бы не ждать, после того как Юрис пытался проверить мои дротки. Ничего он в тот раз, разумеется, не нашел, я специально засунул подаренное Ештанчи оружие в те гнезда, до которых очередь дойдет в самый последний момент. Точно зная, что такое в моей практике не случалось пока ни разу.

Они и сейчас там лежали, вот только чудодейственных химикатов в них больше не было. Я перепрятал их в более надежное место. Конечно, пришлось припомнить уроки Клариссы и с часочек поработать ночью иголкой, зато теперь уверен, что ничем не выдам старого шамана.

— Пожалуйста. — Поднявшись с кресла, я поднял рубаху и отстегнул с простого ремня свой арсенал.

Положив его на стол, начал доставать ножи из-за голеней сапог, отстегивать наручи, вытаскивать из намотанного на голову платка диски и звезды.

Ну да, признаюсь, я заранее просчитал, что мне устроят эту проверку, и специально к ней подготовился. В обычное время большая часть этого оружия хранится в специальных пеналах и ножнах. И вовсе не на моем теле, а в походной сумке. Но сейчас мне просто необходимо ошеломить и сбить с толку не только сыскаря, но и магов, незаметно замерших в проеме открытой двери.

— Все, — лихим движением фокусника встряхнув платок, ловко скрутил его в жгут и обернул вокруг головы.

— Еще амулеты и все зачарованные предметы, — как-то нервно попросил сыскарь, опасливо поглядывая на кучу острых и смертельно опасных железок, выросшую на его столе.

— Пожалуйста, — устало согласился я, снимая с шеи связку кулонов, а с рук браслеты и пару колец.

— А остальное? — подозрительно уставился сыскарь на последнее кольцо и идентификационный личный медальон.

— Это фамильное кольцо с печаткой, — повернул я перстень, — и его я сниму только в том случае, если король объявит, что лишил меня титула. А вот это, — обойдя стол, привычным жестом открыл перед носом сыскаря верхнюю крышечку амулета, чтоб он мог ясно увидеть знак старшего королевского ока, — даже король единоличным решением не имеет права снять.

— Но я... — Сыскарь до этого момента явно не подозревал о моем особом статусе и теперь несчастно поглядывал на магов в ожидании подсказки.

Однако, не получив от них никакой поддержки, неуклюже сделал вид, что все это ему отлично известно. И начал деловито отодвигать от меня небрежно выложенный арсенал. Именно с таким расчетом и разбросанный, чтоб ни один человек, не умеющий с ним обращаться, не смог безнаказанно взять оружие в руки.

И почти сразу получил возмездие за свою самоуверенность. В виде довольно глубокого пореза и брызнувшей фонтаном крови.

— Нельзя ли поосторожнее, — высокомерно скривился я, — счищать кровь с оружия и кожаных пенальчиков не самое приятное дело.

Один из магов в три прыжка оказался возле незадачливого сыскаря и мгновенно остановил кровотечение. А потом одним движением руки убрал кровь с моих вещей. Все ясно, выпускник Южной школы.

— Извините его, — с легкой досадой извинился лекарь, — он не нарочно. Пройдите в соседнюю комнату, по-

дождите, пока мы проверим, нет ли на ваших вещах чужих заклинаний или проклятий. Таково указание главы ковена.

Я только безразлично пожал плечами, типа мы люди подневольные, нам все равно. И неторопливо отправился в соседнюю комнату.

— Не хочешь чаю или травяного отвару? — приторно заботливым голосом предложил Юрис, сидящий возле накрытого стола с кружкой в руке.

Ну, маги, вы что, совсем меня за дурака держите? Да на такие примитивные крючки я не ловился, даже когда еще был учеником второго круга. Даже смеяться расхотелось от такого оскорбления.

— Ничего я не хочу, — раздраженно прорычал я, плюхаясь на диван, — сколько раз тебе говорить, у меня жена беременна! Мне домой нужно! Мне вообще на эти полгода роль отпущ дал!

— Да пойдешь ты домой, не переживай, — хмуро вздохнул маг, — сейчас переговоят с тобой и отправят.

За пять дней, что мы провели вместе, я довольно-таки хорошо его изучил и теперь могу утверждать: Юрис согласился на эту роль без особой радости. Скорее всего, его пришлось уговаривать или даже приказать. И за свое решение он уже заплатил. Мои друзья почти сразу поняли, что к этому магу я отношусь вовсе не так, как к Клариссе с Леоном, и сделали свои выводы. Уже через сутки, а может, и раньше, Юрис сообразил, что в отряде он на положении изгоя, и замкнулся. Ел в сторонке, в разговоры не вмешивался. Оживлялся только в те моменты, когда его о чем-то просили. Хотя я не раз ловил его внимательный взгляд, когда мои друзья начинали вспоминать подробности нашего осеннего приключения.

И сейчас он явно давал мне понять, что ни в чем серьезном меня не подозревают, не догадываясь, что я и сам уже сделал подобные выводы. И даже больше, осмелился предположить, что догадываюсь о настоящей причине. Вот только ему об этом знать вовсе не положено.

В кабинет сыскаря меня позвали лишь через два часа. Сделав самую кислую физиономию из своего богатого на-

бора, плетусь вслед за магом, заранее настраиваясь на длительный и занудный допрос. Выбор сыскаря для сегодняшнего спектакля яснее ясного сказал мне, что ни один из старых знакомых не согласился играть эту роль. Вид моих ножей, старательно разложенных по кучкам, вызвал у меня приступ смеха, который я сдержал только невероятным усилием воли. Ясно, что ничего они не нашли, да и не могли найти, а вернуть оружие на привычные места просто не сумели.

— Я могу забрать свое оружие? — самым любезным тоном, каким разговариваю лишь с врагами и иностранными послами, осведомился я у сыскаря.

— Да, разумеется, — так же вежливо разрешил хозяин кабинета.

Однако по алеющим скулам и свежим розовым шрамам на пальцах стража закона мне было без слов понятно, что он уже сто раз пожалел о своем согласии на роль в этой постановке. Ну ничего, зато на будущее у него будет отличный иммунитет против участия в интригах начальства.

Взяв со стола свой пояс, я бдительно его осмотрел и, удивившись, что не добавилось никаких сюрпризов, принялся быстро рассовывать дротики по местам. Сначала самые простенькие и дешевые, ими я обычно лишь предупреждаю серьезных врагов и наказываю мелких воришек. Потому они и не всегда возвращаются на свои места. Затем боевые, самые тяжелые и длинные, они хороши, когда враг еще далеко. Потом фигурные, отлаженные бить с переворота, ими удобно поражать монстров, созданных черными магами. Последними шли дорогие, именные, которые можно использовать и как кинжалы. Диски и звездочки я упаковал в кусок тонко выделанной кожи варана и вложил в специальные гнезда на внешней стороне пояса.

А едва водрузив свой арсенал на талию, с удовлетворением ощутил, как знакомая тяжесть возвращает иллюзию свободы.

— Привет, — входя в комнату, хмуро буркнул Зиновас Лавайзир, командир одного из сыскных подразделений. И мой старый знакомый, почти друг, не раз ходивший со мной на задания. А теперь решивший выступить против меня,

если я правильно понимаю? Или нет, скорее позволивший кому-то натравить себя на меня. И этого я ему не прощу, даже если цель у них самая что ни на есть благородная.

— Привет, Зин. — Улыбнувшись самой широкой улыбкой, которую сумел изобразить, я дерзко опустился в облюбованное двумя часами ранее кресло.

Показалось мне или оно точно стало с тех пор каким-то комковатым? Чуть скосив глаза на обивку, понял: нет, не почудилось. Значит, даже бедное кресло подвергли осмотру с пристрастием. Как вовремя я подсуетился со сменой тайничка!

Зиновас испытующе изучал мое кристально честное лицо и мрачнел на глазах. И правильно делал, между прочим. Уж кому-кому, а ему-то давно известно, что я не из тех людей, которые забывают добро. И тем более зло.

— Извини, что тебя здесь задержали, — сквозь зубы выдал он, — надеюсь, ты не будешь на нас обижаться. Откройте ему портал в замок Монтаеззи. Но... Грег, у меня к тебе личная просьба... никуда не выходи из своего замка, пока не получишь от меня вестника.

— Нет... я не буду обижаться... — улыбался я старому сыскарю так лучезарно, словно он только что подарил мне всех своих знаменитых собачек, — и просьбу твою, разумеется, выполню. Какие могут быть сомнения? И не стоит меня благодарить... сейчас. Потом сочтемся.

Это Зиновас скрипнул зубами или так обиженно скрипнуло раскуроченное кресло? На всякий случай я встал с него и, поглядев на младшего сыскаря, теребящего от волнения свои бумажки, решил, что, по крайней мере, хоть этому вполне могу отплатить уже сейчас.

— Прощай, сыскарь, — произнес я дружелюбно, — мне очень жаль твои руки... попробуй взять несколько уроков у хорошего мастера. Увидишь, это совсем нетрудно.

Простой дротик, выдернутый так быстро, что сыскари не успели даже рты раскрыть для возражений, беззучно пронесся над головой парня и приколол к створке распахнутого окна противную зеленую муху, прилетевшую на запах свежей крови, но так ничего и не обнаружившую.

— Прощай! — Кивнув потемневшему лицом Лавайзиру,

я вышел из кабинета и по разгорающемуся сиянию портала сразу сообразил, что маги отлично расслышали все сказанное мною.

ГЛАВА 3

Хенрика в моем замке не оказалось. Ну если честно признаться, встретиться с ним в Монтаеззи я даже не рассчитывал. Успел просчитать к этому моменту, что к Кадину маг спровадил меня специально и далеко не по своей воле. Определенно ему приказали так поступить, как и Юрису, и Зиновасу с его подручными.

Однако я не собирался ни звать шурина в гости, ни требовать с него объяснений. Я вообще запретил себе даже вспоминать про тайную операцию магов. Зиновас напрасно просил прощения, мне еще в степи стало понятно, чья это интрига. И последующие события только подтвердили мои догадки, что именно маги всеми силами пытаются меня от чего-то удержать. Вот только от чего именно, я пока понять не мог. А если честно, и не желал. Мне никогда не нравились игры втемную, и лезть в такие я вовсе не собирался.

— Грег, там Мари пришла порталом, вместе с Кариком. — Едва слышные вопросительные нотки прозвучали в голосе вошедшей жены, и я немедленно вскочил с места и устроил ее на диване.

— Пусть погостят, — располагаясь рядом и нежно целуя ее ладошку, благодушно согласился я.

Да пусть хоть сотня гостей наедет, буду только несказанно рад, если это развлечет мою жену. Мне очень не нравятся изменения, произошедшие с ней за те несколько дней, что я провел в Останских степях. Изводившая служанок капризность исчезла, словно смытая внешней водой ледяная переправа. Сейчас моя жена целиком захвачена потоком каких-то новых эмоций. И больше всего меня тревожат собственные догадки, каких именно. Это беспокойство за кого-то близкого настолько сильное, что перебарывает в Ортензии все остальные чувства.

— Грег... — нежные пальчики запутались в моих волосах, — она просит, чтоб ты ее выслушал.

Вот именно этого я и боялся. И не желал просто до дрожи в позвоночнике. Но и отказать жене родственника не могу, по очень многим причинам не могу. Поэтому придется ее выслушать, но, для того чтобы сказанное ею не стало достоянием ушлых магов, необходимо принять меры.

— Хорошо... пусть придет в мой кабинет после обеда. А сейчас давайте просто погуляем?

Как же мне повезло, что моя жена отлично понимает мои взгляды и малейшие изменения интонации. И никогда не вступает в спор, как некоторые вздорные женщины, встречающиеся значительно чаще, чем того хотелось бы. Вот и сейчас она прекрасно расслышала не то, что сказано вслух, а то, что я хотел ей сказать.

И дала об этом понять мягкой улыбкой и поглаживанием моей щеки.

Поэтому гулять мы идем не в сад и не на балкон. Наоборот, прихватив в гостиной Мари, которая на удивление безоговорочно подчинилась взгляду Зии, начинаем спуск вниз, к тем самым подвалам, с которых и началось мое знакомство с этим замком. И с его прелестной хозяйкой, за что я не устаю благодарить всех известных мне богов.

На этот раз мы движемся довольно медленно, и Мари начинает уже выказывать откровенное нетерпение, но я вовсе не намерен из-за ее тревог рисковать здоровьем жены. И продолжаю так же неспешно спускаться впереди, полубернувшись к Ортензии и контролируя каждое ее движение.

— Наконец-то, — буркнула себе под нос раздосадованная моим демонстративным пренебрежением невестка, когда мы вошли в одну из камер.

Теперь тут не так стерильно чисто. Как оказалось, маниакальной чистоплотностью отличалась не Зия, а покойная Ландиса. Зато появились шкафы, диваны и прочая мебель, перекочевавшая из комнат верхних этажей, где голубоглазый старичок оборудует детскую комнату для будущего лорда Монтаеззи.

А кстати, что-то он мне еще не встречался с тех пор, как я

вернулся?! Интересно, успел уже снести голубятню или Хенрик нашел для него убедительные доводы? А если нашел, то любопытно узнать какие?!

Усадив женщин на самый удобный диван, запираю дверь и активирую амулет безмолвия. Теперь ни один самый сильный маг, если он даже затаился неподалеку, не сможет услышать ни одного слова.

— Говори, и поторопись. Амулет не бесконечный, — усевшись рядом с Зией, приказываю невестке нарочито строго.

Чтоб не вздумала начинать рыдать. Тогда нам долго не удастся ее успокоить.

Но она не стала рыдать. Нет, она сделала много хуже. Неуверенно встав со своего места, несколько секунд хмуро меня рассматривала, так что я даже занервничал, и вдруг рухнула на колени. Прямо к моим ногам!

— Мари! — возмутился я, вскакивая. — Ты что, с ума сошла?

— Прости... я виновата, я потом вспомнила... все вспомнила... и отцу рассказала... я вела себя так чудовищно...

— Мари! — прикрикнул я строже, стремясь быстрее поднять ее с пола и прервать этот бессмысленный лепет.

Но она отчаянно цеплялась за мои ноги и, заливаясь слезами, бормотала все более непонятные и неприятные вещи.

— Я знаю, тебе трудно все позабыть... но больше мне некого попросить, а они запретили... даже рассказывать и думать. Я начала все забывать... и вдруг нашла амулет. Хенрик оставил, сказал, поверни камень, если почувствуешь что-то не то.

— Мари, это было давно, я уже все тебе простил. Я тогда тоже был виноват, — усадив наконец невестку на диван, забормотал я успокаивающие слова. Без труда догадавшись, что так нелепо сработал оставленный Хеном амулет. Все менталы больше всего опасаются вторжения в мозги своих родичей и всегда стараются соорудить им амулеты по сильнее. Вот и он, похоже, перестарался. Если вместе с недавними событиями к ней вернулись заблокированные Ромульеном воспоминания почти четырехлетней давности.

— Так ты мне расскажешь наконец, что произошло?

— Я не знаю... но они не вернулись... — снова жалобно заплакала Мари, — понимаешь, никто не вернулся!

Так.

Вот оно.

То, чего я так упорно не хотел предполагать.

Они!

Значит, Хенрик все же ушел на задание. И ушел не один. Но сначала сплавил в Останские степи меня. Очень ловко сплавил, нужно будет поздравить родственника с успехом. Я ведь в тот момент даже не догадывался, что он может так со мной поступить. И теперь мне понятно, откуда Ештанчи все знал заранее. Наверняка тоже получил задание задержать меня подольше. Но выполнять его не стал, наоборот, дал мне намек. А возможно, и подсказку, как именно следует решить эту задачу. Ну что ж, значит, у меня на одного проверенного друга стало больше. Узнать бы еще так же точно, на сколько больше стало тех, кому я теперь никогда не смогу доверять, как прежде.

— Мари, успокойся, выпей вот это. — Непонятно, где Зия взяла маленький стаканчик и какие-то пузырьки, но действовала она вполне уверенно.

Значит, таскает с собой, а я и не обращал никакого внимания на вышитый кошель, какие все дамы носят у пояса. Нужно будет выяснить у лекарей, чем это они ее поят и почему я до сих пор не в курсе.

Мари тем временем немного успокоилась, а может, лекарство подействовало, и я приступил к расспросам. Далеко не сразу ей удалось объяснить все более-менее внятно, однако, уловив суть произошедшего, я на несколько мгновений оторопел.

И, забывшись, даже присвистнул. Все было не просто скверно, все было хуже некуда.

А началось все с короля. А если точнее, с того страшного события, которое произошло больше двадцати лет назад. Я был в то время совсем мальчишкой и не вникал в подробности, но атмосферу горя и подавленности, царившую вокруг, помню хорошо. Плакали женщины, мрачно ругались мужчины. В тот день погиб наш прежний король. Вместе с королевой и гостившей в Торсанне принцессой Луизь-

он, старшей дочерью короля Фляндии. И любимой невестой нашего Торреля Дортеона. В один миг он лишился и родителей, и возлюбленной.

Потом, конечно, сыскари нашли и тех, кто задумал это страшное преступление, и исполнителей, позарившихся на огромные деньги. А молодой король в результате этого расследования лишился еще двоих родственников: дяди по материнской линии и его единственной дочери, своей кузины, которая с детства вбила себе в голову, что именно на ней должен жениться Торрель.

С тех пор наш король так и не женился, хотя недостатка в женском внимании никогда не испытывал. Но пока ни одна подрастающая принцесса из соседних стран не задела его сердце всерьез, как и многочисленные поклонницы из знатных семей родного королевства. А некоторое время назад ему прислали портрет принцессы из Шладберна. Когда Мари сказала про северную принцессу, я вдруг припомнил, что и сам в курсе этого события. Вспомнились даже веселые шуточки, которые отпускали доставившие портрет порталышки. Что страна могла бы несказанно разбогатеть, если бы брала хорошие деньги за телепортацию таких ценных предметов.

Но вот о том, что изображенная на портрете девушка чем-то понравилась Торрелю, я услышал впервые. А о таком безумном шаге с его стороны, как неофициальный визит в Шладберн, не знает, по-моему, никто, кроме очень ограниченного круга влиятельных лиц. Да еще Мари, умеющая лучше любого сыскаря выуживать из Хенрика самые секретные сведения.

Единственное, чего она не смогла сказать точно, — это кто именно отправился сопровождать короля. То есть имена-то Хен называл, но ей они были незнакомы и потому не запомнились. Зато Мари точно знает, с кем пять дней назад ушел ее муж. Кларисса, Леон и Энилий. Очень интересная компания. Трое старших магистров и маг первого круга. Все мужчины — менталы, а Клара эмпат и природник.

Хенрик обещал вернуться через два дня, сказал жене, что у всех есть порталышки-амулеты. Но ни один из магов не вернулся до сих пор, и никто не прислал ни одного вестника.